

Центральная Азия в борьбе против воинствующего исламизма

Уве Хальбах

Для того, чтобы плотнее заняться явлениями воинствующего исламизма к северу от Афганистана, у германской и европейской политики в отношении Центральной Азии есть две существенных причины. Первая – это усилившийся интерес к стабильности в регионе, как это формулируется в разработанной Германией в 2007 году стратегии ЕС в отношении Центральной Азии. Другая – активная задействованность Германии в Северном Афганистане. В этой связи для Германии и Евросоюза напрашивается ряд вопросов: существует ли региональное измерение джихада, которое связывает постсоветскую Центральную Азию с Афганистаном? В какой степени пять центрально-азиатских государств являются пространством деятельности для исламистских сетей, ориентированных на применение насилия и использующих Афганистан и Пакистан как территории для восстановления своих ресурсов и подготовки боевиков в специальных лагерях? Насколько широко и насколько радикально протекает процесс «исламского возрождения» в постсоветских государствах Центральной Азии? Как реагируют на это правительства? В региональной дискуссии о безопасности отводится большое значение борьбе с экстремизмом, преимущественно радикальным исламизмом. В плане политики безопасности эта борьба составляет ядро для кооперации центрально-азиатских государств с Россией и Китаем в рамках региональных форумов – таких как Шанхайская организация сотрудничества. Еще в 2001 году правительства стран региона обратили внимание на трансграничные риски, исходящие от Афганистана, в особенности на увеличение потока наркотиков.

Что касается восприятия потенциала исламистского насилия в Центральной Азии, то здесь существует большой простор как для его переоценки, так и для недооценки. Однако для

алармистских заключений эмпирическая основа весьма слаба. Данные о составе исламистских групп, количестве членов, их происхождении, ресурсной базе и взаимодействии серьезно разнятся

Уве Хальбах является научным сотрудником группы «Россия/СНГ» (Фонд «Наука и политика»)

SWP-Aktuell 20
Март 2008

или далеки от определенности. Поиски единого тайного руководителя и вдохновителя, координирующего действия в области джихада в Центральной Азии и других частях постсоветского пространства, где сильно влияние ислама, тщетны. К тому же правительства государств этого региона в случае внутривнутриполитических кризисов склоняются к тому, чтобы рефлекторно указать на опасность исламизма и представить ее опять-таки как угрозу извне. Одним из примеров того являются официальные объяснения узбекского правительства в связи с кровавой расправой в Андижане.

Связь с конфликтом в Афганистане существует за счет активистов идеи джихада из Центральной Азии, которые во все большем количестве - наряду с молодыми людьми из различных частей исламского мира, в том числе и из Западной Европы - появляются в пограничной области между Пакистаном и Афганистаном. В пакистанской провинции Вазиристан представлены прежде всего узбекские боевики, отстаивающие здесь идеи джихада, одновременно с этим они также вовлечены в распри и междоусобицы местных племен. *Исламское движение Узбекистана* (ИДУ) в период своей вооруженной активности (1999 – 2001 гг.) могло опираться на поддержку из Афганистана. Между тем представляется проблематичным утверждать, что этого достаточно для констатации наличия тесных региональных взаимосвязей между сторонниками джихада по обе стороны Амударьи.

Как развивалась картина угрозы

Вопрос о том, как сильно исламистские силы вмешиваются в

процесс «религиозного возрождения» в Центральной Азии, встает с момента распада Советского Союза, в первый раз - в контексте политической борьбы за власть в Таджикистане в 1992 году. *Партия исламского возрождения* выступила там в качестве политического игрока и бойца - участника гражданской войны, которую, конечно, нельзя свести только к идеологическим разногласиям между «исламистами» и «экс-коммунистами». Исламизм не был – как это пытались представить поверженное правительство и его союзники Россия и Узбекистан – центральной темой в этой войне. Борьба шла между комбатантами различного регионально-этнического происхождения, которые сражались за сохранение или, соответственно, перераспределение политической власти в переходный период. Еще одна дата, имеющая решающее значение, - это лето 1999 года. Тогда *Исламское движение Узбекистана* (ИДУ) привлекло к себе внимание всего мира боевыми действиями в пограничной области между Киргизией и Таджикистаном. После 11 сентября 2001 года Центральная Азия попадает под более пристальное внимание международной политики, сделавшей борьбу с джихадистскими сетями, действующими в глобальном масштабе, главной задачей своей политики безопасности. В 2004 году серия терактов в Узбекистане, мишенями которых наряду со зданиями полиции в Ташкенте и Бухаре стали американское и израильское посольства, стала подтверждением сформировавшегося образа Центральной Азии как региона, где существует серьезная угроза терроризма. После 1996 года раздались первые голоса, предупреждавшие о «талибанизации Центральной Азии». При этом

игнорировался тот факт, что социально-культурные и политические отношения в секуляризированных постсоветских обществах и в Афганистане, в котором господствовал „Талибан“, принципиальным образом отличались друг от друга.

Из всего многообразия названий и самоназваний, применявшихся для обозначения явлений воинствующего исламизма в Центральной Азии в высказываниях представителей национальных органов безопасности и использовавшихся международной публицистикой, выделяются три: *ваххабиты*, «*Хизб-ут-Тахир*» и *Исламское движение Афганистана* (IBU). Ключевое слово, которым на пространстве СНГ под одну гребенку штампуют все проявления радикального исламизма, - это «ваххабиты». Данный термин обозначает утвердившийся в Саудовской Аравии вариант исламского фундаментализма, а кроме того - вообще религиозный пуризм, ориентированный на «чистый ислам» раннего калифата. Ваххабизм на Аравийском полуострове представляет собой только форму манифестации этого пуританского течения, которое корректнее было бы назвать *салафизмом*. «Салафистские» движения на самом деле возникали на территории постсоветского пространства и представляли собой вызов для государственных органов, официального духовенства (муфтиятов) и ритуальных обычаев, т.е. для всех тех форм, в которых ислам пережил советскую эпоху. Однако понятие «ваххабизм» употребляется прямо-таки «инфляционно». Руководитель одной исламской общины на юге России однажды сказал по этому поводу нечто такое, что применимо и в

отношении Центральной Азии: он признал, что в его общине есть исламистские зачинщики беспорядков, но вместе с тем добавил: «Однако у нас есть еще одна проблема. Если кто-то в соответствии со всеми правилами исполняет ритуальную молитву, не пьет, не курит, не употребляет бранных слов, то его считают ваххабитом». Здесь затронуто то, что характерно для дискуссии о религиозном экстремизме на всем постсоветском пространстве: не проводится достаточно четких различий между а) активными в религиозном плане мусульманами, которые находятся вне рамок государственного контроля за религией, б) политически активными, но не помышляющими о насилии исламистами, в) воинствующими боевиками - сторонниками джихада. Результатом недифференцированного восприятия религиозной активности в целом как «экстремизма» являются подчас такие действия государства, которые скорее стимулируют радикализацию мусульман, чем сдерживают и локализуют ее. В западных исследованиях по Центральной Азии такого рода опасения высказываются в особенности в отношении Узбекистана.

Более точным является название «*Хизб-ут-Тахир*». Если речь идет о враждебной существующим в Центральной Азии режимам пропаганде, распространяемой посредством листовок, DVD, интернета, то в большинстве случаев за это ответственна именно данная сеть организаций. «*Хизб-ут-Тахир*» представляет собой глобальное движение, штаб-квартиры которого расположены в метрополиях Западной Европы и которое было запрещено в Германии в 2002 году. На это охотно ссылаются многие

официальные лица Центральной Азии, которые сводят исламистскую угрозу своему региону к влиянию извне. Центральная Азия с середины 90-х годов превратилась в привилегированное поле деятельности «Хизб-ут-Тахир». Для своей пропаганды движение использует региональные проблемы. Политическая и социально-экономическая ситуация в Центральной Азии предоставляет достаточное количество уязвимых мест для популистского апеллирования к «исламской справедливости», которая, согласно «Хизб-ут-Тахир», может быть установлена только в рамках транснационального калифата. Организация «Хизб-ут-Тахир» не является религиозной сетью. В Центральной Азии она выступает в качестве *политического* игрока, использующего в своих нуждах религиозные и псевдорелигиозные лозунги. Саму себя она считает «политической партией, чьей идеологией является ислам». Первоначально ограничиваясь Узбекистаном и этническими узбеками, «Хизб-ут-Тахир» расширила сферу рекрутирования в Центральной Азии. Тем не менее это движение вряд ли можно назвать массовым. Надежных данных о численности членов и сочувствующих лиц этой конспиративной организации нет. По некоторым оценкам, сеть «Хизб-ут-Тахир» во всем центрально-азиатском регионе насчитывает до 20 тысяч членов, при этом количество ее сторонников в Казахстане исчисляется скорее сотнями, а Туркмения вообще категорически отрицает, что там есть какие-либо проблемы с исламистами. В Узбекистане, где конфронтация с этой группировкой приобретает наиболее

острые формы, говорят примерно о 7 тысячах «людях «Хизб-ут-Тахир». Значительная часть из них сидит в тюрьме. В своих памфлетах движение постоянно дистанцировалось от террористического насилия, однако оно разжигает сильную неприязнь, направленную против локальных правительств, в особенности против узбекского, и против западных ценностей. Посредством своей транснациональной ориентации (идея калифата) «Хизб-ут-Тахир» ставит под вопрос национально-государственное устройство в Центральной Азии и постсоветские межгосударственные границы. В таких регионах, как, например, Ферганская долина, где переплетаются границы Узбекистана, Киргизии и Таджикистана, «Хизб-ут-Тахир» встречает определенный резонанс. В исследовании региональной динамики в Центральной Азии, проведенном UNDP (United Nations Development Programme/ Программа ООН по развитию) в 2005 году, в качестве существенного мотива для обращения к политическому исламу называется «глубокая фрустрация в связи с пограничной политикой, которая препятствует региональной торговле, движению транспорта и транзиту людей и товаров».

В отличие от «Хизб-ут-Тахир» *Исламское движение Узбекистана* (ИДУ) можно однозначно увязать с применением насилия. Его вооруженные акции 1999-го и 2000-го годов привлекли внимание мирового сообщества к ситуации с безопасностью в Центральной Азии еще до 11 сентября 2001 года. Это движение - в отличие от «Хизб-ут-Тахир» - имеет контакты с Афганистаном в плане логистики. Говорят, военный лидер ИДУ Джума Намангони командовал талибскими

отрядами на севере Афганистана. Если там в октябре 2001 года сами эти военизированные группировки были разбиты, то их политическое крыло под предводительством Тахира Елдашева продолжило свое существование. Сведения о реорганизации ИДУ после 2001 года противоречивы и практически не поддаются диверсификации. По данным центрально-азиатских органов безопасности, боевики, выжившие в Афганистане, сформировали новые группы и сети, к которым относится также *Союз исламского джихада*. В 2007 году эта группировка попала в заголовки всех германских СМИ, после того как была раскрыта террористическая ячейка, сложившаяся вокруг трех молодых людей, выросших в Германии. Арестованные, у которых были найдены большие запасы взрывчатого вещества и которые якобы планировали совершить теракты на американские аэродромы и другие объекты, были связаны с *Союзом исламского джихада*, который в последний раз заявил о себе терактами 2004 года в Узбекистане. Однако доступная в открытых источниках информация по этой сети, выступающей под различными названиями, неопределенна и противоречива. Политический лидер ИДУ Тахир Елдашев обратился к общественности – в последний раз это произошло в 2006 году по случаю очередной годовщины 11 сентября – с объявлением войны персонально против политических лидеров Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. В целом вес ИДУ в качестве политического или военного игрока в регионе оценивается в настоящее время как незначительный. Что касается этой группировки, то здесь также не может быть речи о

массовой поддержке ее населением. В то время как ИДУ в период своей вооруженной активности в 1999 – 2001 годах было задействовано в Афганистане, идеология и активность организации «*Хизб-ут-Тахир*» не связаны с «Талибаном» или «Аль-Каидой». Но именно эта сеть воспринимается некоторыми правительствами центрально-азиатских государств как центр исламистской угрозы.

Исламский вызов и государственная политика в отношении религии

Все пять государств Центральной Азии вынуждены заниматься процессом «исламского возрождения». Применяемые при этом инструменты государственного контроля схожи. Конституции постсоветских государств постулируют разделение религии и государства. Они запрещают политические партии на религиозной основе. Исключение составляет Таджикистан, где во имя национального примирения после гражданской войны одна исламская партия была легализована. Государственные органы требуют от религиозных организаций официальной регистрации. Во всех государствах *Совет по делам конфессий* подчинен президенту, который контролирует назначение имамов. *Духовные управления мусульман* на республиканском уровне - муфтияты (в Таджикистане выполнению этой задачи служит *Исламский центр с Советом улемов*) - также тесно связаны с государственными органами. Однако есть различия в том, в какой степени официальная власть ощущает вызов со стороны исламистских оппозиционных сил, а также в степени жесткости, с которой она на

такие вызовы реагирует.

Узбекистан

Узбекистан, с исторической, географической и демографической точки зрения являющийся ключевой страной для находящейся под влиянием исламской культуры Средней Азии, самое позднее с конца 90-х годов отличается особенно жестким подходом к «религиозным экстремистам». Противостояние с исламистами в Намангане, религиозной цитадели в узбекской части Ферганской долины, уже в 1991 году стало основанием для создания «образа врага» – экстремизма. В соответствии этой установкой лидер республики Каримов, тогда только занявший пост президента, и ориентировал свою политику безопасности. Чаще всего упоминаемые исламистские организации Центральной Азии «Хизб-ут-Тахир» и ИДУ увязывались в первую очередь с узбекской территорией и с этническими узбеками за ее пределами. Порой узбекскому государству приписывается общая антиисламская позиция, по сравнению с которой государственная политика в отношении религии позднесоветского периода представляется сравнительно либеральной. Эта критика не замечает «двойного дна» государственной религиозной политики в регионе.

После обретения государственной независимости ислам стал более или менее неотъемлемым ресурсом для культивирования постсоветского, постимпериального или постколониального национального сознания. Властные элиты только что ставших независимыми государств, которые еще совсем недавно отдавали идеологическую дань «научному атеизму», подняли среднеазиатское исламское наследие на своей

государственной территории до уровня национального культурного символа. Параллельно с этим, а отчасти и раньше по времени, были реанимированы другие традиции, формирующие идентичность, например, арийское (индоевропейское) или иранское наследие в Таджикистане или миф об эпическом герое Манасе в Киргизии. Одновременно этот реверанс в сторону ислама необходимо было привести в соответствие с подчеркнуто светским фундаментом новых постсоветских конституций, а в таких государствах как Казахстан или Киргизия – также с полиэтнической, мультиконфессиональной структурой населения. Вопреки всем эти усилиям некоторые диссидентские движения, опять-таки прежде всего из Ферганской долины, питали вражду к постсоветским политическим отношениям, считая их «экс-коммунистическим», официальных духовных лиц - послушными государству, ритуальный репертуар «традиционного ислама», к которому советская власть относилась терпимо, - «язычеством». Государство со своим «национальным исламом» должно было отмежеваться от этого оппозиционного, политизированного, часто применяющего транснациональную аргументацию ислама. В Узбекистане государство использовало местные символы «высокого ислама» и культивировало суфистское наследие, имеющее здесь особое значение. Ташкентское правительство в 2007 году усиленно пропагандировало «узбекский ислам», связанный с местными религиозными традициями, который должен отмежеваться от дестабилизирующих, управляемых из-за рубежа «ваххабитских» влияний. В августе 2007 года правительство Каримова

организовало международный форум под названием «Место Узбекистана в исламской цивилизации», под патронатом президента была проведена дорогостоящая реставрация одного из популярных мест паломничества (могила Хазрата Имама, ученого 10 столетия). С другой стороны, узбекское государство обрушивается на все, что хотя бы отдаленно создает впечатление исламской враждебности по отношению к государству или пытается выйти из-под прописанного в Законе о религии (1998 год) неукоснительного государственного контроля за делами религий. Ни в одной другой стране СНГ конфронтация между органами государственной безопасности и противниками режима, прибегающим к религиозной лексике, не достигла таких масштабов, как здесь. Нигде более такое огромное количество заключенных, обвиненных в «религиозном экстремизме», не заполняют тюрьмы и исправительные лагеря (колонии), где они – и такие обвинения звучат на международном уровне - вынуждены сносить жестокое обращение и надругательства, как ни одна другая группа заключенных в узбекской системе правоохранительных органов.

Таджикистан

В Таджикистане, самой бедной стране региона, радикализация «исламского возрождения» была темой уже во времена перестройки и периода перехода к государственной независимости. *Партия исламского возрождения* вмешивалась в борьбу за власть 1992-1996 годов как политическими, так и военными средствами, но затем в рамках процесса национального примирения была интегрирована в политическую систему. С тех пор она выступает

хотя и как религиозно-политическая, но не враждебная системе сила. Крыло Партии исламского возрождения под руководством молодого лидера Мухиддина Кабири объявляет себя сторонником «евроислама», рассматривая его в качестве своего политического и культурного ориентира; другие силы партии, ослабленной внутренними противоречиями, преследуют различные концепции «исламского государства».

Таджикистан охотно изображают как страну компромисса между светскими и религиозными силами. Но десять лет спустя после национального примирения исламская партия оказалась снова практически вытесненной из правительства и парламента, авторитарная система господства при президенте Эмомали Рахмоне консолидировалась настолько, что от этого компромисса мало что осталось. Исламская партия в значительной мере утратила свое политическое влияние и встречает серьезные препятствия со стороны правительства в попытках вновь это влияние обрести. Роль противников режима взяли на себя сегодня другие исламские силы – и прежде всего опять-таки «*Хизб-ут-Тахир*». Смена игроков сопровождалась и изменениями роли регионов: в настоящее время в качестве бастиона неоисламистов рассматриваются прежде всего северная часть страны (Согд) и регион вокруг Исфары. Во время гражданской войны на северную часть страны мог опираться скорее правительственный лагерь. Много упоминавшийся компромисс между светской структурой государства и «исламским возрождением», как и в соседних странах, не сдерживает государственные органы от расширения своего контроля за

религиозными силами. В 2007 году был введен запрет на ношение хиджабов в школах и университетах. Государственный комитет по делам религий выступает против неофициальных мечетей. В стадии подготовки находится новый, более жесткий закон о религиях, чем до сих пор действующий, который был принят в 1994 году. Ужесточение государственного контроля за религиозной жизнью в республике, которая к моменту обретения своей государственной независимости представляла собой модель «государства-изгоя» в СНГ, нарастает в такой степени, что в некоторых комментариях уже идет речь об «узбекском пути» в этой сфере политики. Государственные органы и органы безопасности обосновывают свое авторитарное поведение ростом исламистской активности в последние два года.

Кыргызстан

Долгое время второе по уровню бедности государство региона считалось страной с самой либеральной политикой в отношении религии. В Кыргызстане, как и в Казахстане, религиозный мир в силу полиэтнической и мультиконфессиональной структуры населения является благом, требующим особой защиты. Между тем в последнее время и в Кыргызстане нарастает конфронтация между государственными органами и органами безопасности, с одной стороны, и исламистскими движениями – с другой. Правительство стремится усилить свой контроль над религиозной активностью, например, при регулировании паломнических поездок в Мекку. Частные поездки в Саудовскую Аравию были запрещены. В сентябре 2007 года государственный Комитет по делам

религий потребовал принятия более жесткого закона о религии. Наконец, Министерство внутренних дел запретило публичную молитву на центральной площади Бишкека в дни мусульманских праздников. Соответствующие структуры аргументировали это решение тем, что скопление большого количества людей создает помехи для общественного порядка. Однако очевидно, что эти меры следует понимать в контексте с напряженной внутривнутриполитической ситуацией при президенте Бакиеве. Если киргизское руководство долгое время относилось достаточно спокойно к движению «Хизб-ут-Тахир», то в настоящее время меры государства в отношении этой организации ужесточаются. Внимание киргизских органов безопасности привлекает на себя особенно юг страны со значительной представленностью узбекского меньшинства и более сильным влиянием ислама. Органы безопасности указывают на то, что исламистские сети еще никогда не выступали столь активно и что их влияние выходит за границы трех южных провинций. Правозащитные организации начиная с 2006 года отмечают сотрудничество между киргизскими и узбекскими спецслужбами в преследовании таких групп на территории Киргизии и предупреждают об опасности заимствования соседями Узбекистана принятых в Ташкенте методов «борьбы с терроризмом».

Казахстан

Казахстан представляет собой наиболее светское и индустриализированное постсоветское государство в регионе, к тому же с весьма дифференцированным по этническим и конфессиональным признакам населением и наибольшей

представленностью доли европейцев в структуре населения. Власти Астаны не чувствуют такого серьезного вызова со стороны «исламистской опасности», как это имеет место у правительств соседних стран. Тем не менее громко зазвучавшее и в Казахстане предупреждение об опасности «религиозного экстремизма» было направлено против миссионерства иностранцев, представляющих всевозможные «нетрадиционные» для этой страны религиозные сообщества западного и восточного происхождения. В 2000 году перед лицом «активности нетрадиционных религий и тоталитарных сект» муфтий Казахстана потребовал внести «существенные изменения в существующий закон о религиозных организациях» и пресечь деятельность иностранных миссионеров. К тому моменту в стране было зарегистрировано 49 конфессий. Зафиксированная динамика роста касалась групп, не принадлежащих к традиционным религиозным общинам - исламу и русской православной церкви. Закон "О свободе вероисповедания и религиозных объединениях" от 1993 года запрещает «партии или другие политические организации религиозного характера и участие религиозных объединений в деятельности политических партий или их финансировании».

Представляется, что Казахстан, как наиболее успешное в экономическом плане и наиболее стабильное государство Центральной Азии, также и политически наилучшим образом вооружен против исламистского вызова. Тем не менее после 2001 года дискуссия об исламизме и терроризме обострилась и здесь. Казахстан еще до того, в июле 1999 года, одним из первых

государств СНГ принял закон «О борьбе с терроризмом». В 2005 году добавился закон «О противодействии экстремизму». Госпрокуратура ведет «список террористов», куда входят двенадцать организаций. Среди прочих называются *Исламская партия Восточного Туркестана*, *ИДУ*, «Хизб-ут-Тахир» и *Сообщество (Джамаа) муджахединов Центральной Азии*. Все пристальнее отслеживаются действия «Хизб-ут-Тахир», которые выходят за пределы южных провинций Казахстана, где традиционно сильно исламско-среднеазиатское влияние. В рамках *Шанхайской организации сотрудничества* Казахстан участвует в *евразийском* дискурсе о «трех силах зла» - сепаратизме, экстремизме и терроризме, причем экстремизм особенно связывается с радикальным исламизмом.

Туркменистан

По заявлениям из самого Туркменистана, страна свободна от исламистских движений и религиозно-политической оппозиции. При этом режим посредством сакрализации президента Сапармурата Ниязова и его опубликованного в 2000 году труда «*Рухнама*» дал серьезный повод для религиозного протеста. Туркменбаши, скончавшийся в декабре 2006 года, особенно вызывающе напоминал врага ислама фараона. В мае 2001 года пресс-секретарь Ниязова объявил: «Сапармурат Туркменбаши – это национальный пророк, посланный туркменскому народу в третьем тысячелетии». Одновременно с сакрализацией книги «*Рухнама*» режим осуществлял все более жесткие репрессии против любой религиозной активности, которая не находится под неукоснительным государственным контролем. Жертвой

этих репрессий стал верховный духовный лидер Республики, выступивший с протестом против приравнивания президентской «писанины» к Корану. В Туркменистане, как и в других соседних с ним странах, государство поклялось в верности исламу как составной части национального наследия. Как и в Узбекистане, здесь также имеется особенно тесная историко-культурная связь с суфизмом. Однако в отличие от Узбекистана здесь не видно сил, которые сталкивали бы этот традиционный ислам с «ваххабитской» пропагандой и квалифицировали бы его религиозную практику как языческую. После смерти Туркменбаши правительство, возглавляемое его преемником Бердымухаммедовым, пообещало привести законодательство в отношении религии в соответствие с международными стандартами и нормами прав человека. Но конкретные шаги в этом направлении до сих пор не сделаны. По-прежнему на каждом богослужении присутствуют спецслужбы, импорт религиозной литературы регламентирован, а религиозная бюрократия тесно сотрудничает с органами государственной безопасности.

Перспективы

Связка исламизма и терроризма придала центрально-азиатским правительствам решающий импульс для сотрудничества в области политики безопасности в рамках *Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)* и *Организации Договора о коллективной безопасности*. Лозунг “war on terrorism” понимается здесь преимущественно буквально и

реализуется в форме военно-полицейских акций и масштабных многосторонних маневров. Перед этим оперативным уровнем меры по предупреждению экстремизма отходят на задний план. Эти меры должны были бы быть направлены на улучшение жизненной ситуации, в особенности для молодого поколения, на борьбу с коррупцией, на пограничную политику, соединяющую в себе принципы безопасности и прозрачности, и на другие области, среди которых – совершенствование работы по религиозному образованию. Официальные бюрократы от религии, структурные рамки которых – *духовное управление* (муфтият) – ведут свое происхождение еще с советских времен, мало что могут противопоставить влиянию исламистов на общины. Они страдают зачастую теми же симптомами, которые ставят в упрек госаппарату: коррупция, непрозрачность, кумовство. Подготовка «религиозных кадров» не успевает за темпом религиозного «возрождения». Когда вместе с падением «железного занавеса» молодые люди стали интересоваться исламским образованием, то часть этого спроса удовлетворялась либо за рубежом, либо в самой стране, но иностранным преподавательским персоналом. Этот обмен открыл постсоветские общества также для течений современного исламского фундаментализма. При этом вряд ли может идти речь о масштабной «инфекции». Что касается принятия исламистской идеологии населением, то Центральная Азия все еще значительно отличается от таких стран как Афганистан, Пакистан и арабский мир. В этом плане практически не заметна региональная «связка» между Афганистаном и

Центральной Азией, даже если один из центрально-азиатских субрегионов – например, Ферганская долина – остается прозрачным для проникновения трансграничных рисков из Афганистана. Значение Центральной Азии и других мусульманских территорий пространства СНГ для сетей сторонников джихада, действующих в глобальном масштабе, относительно невелико. Исламистская оппозиция здесь связана преимущественно с неудовлетворительной ситуацией на региональном и локальном уровнях. Также и в том, что касается частоты совершения терактов по исламистским мотивам, Центральная Азия - несмотря на рост акций с применением насилия после 1999 года - не особенно выделяется на фоне мировой статистики. По данным *Terrorism Knowledge Base*, этот регион, вошедший в одну группу с Восточной Азией, по показателю совершения терактов с большим отрывом уступает не только Среднему Востоку, но и другим региональным группам – таким как

Южная Азия (включая Афганистан), Африка, Европа и США. Это не означает, что исламистская динамика в постсоветском пространстве не должна представлять интерес для международной политики. Потенциал для радикализации ислама к северу от Афганистана существует, и его необходимо отслеживать, причем в контексте широкого спектра проблем, релевантных с точки зрения политики безопасности. К этому блоку относятся нарушения прав человека, к которым прибегают авторитарные правительства под лозунгом борьбы с экстремизмом и терроризмом, ссылаясь на светские основы конституций; социально-экономические проблемы, обостряющиеся в определенных регионах, таких как Ферганская долина, дефициты в области приграничной политики, а также тот факт, что такое правительство, как, например, узбекское, с 1992 года закрыло все каналы для критики режима со стороны светских оппозиционных сил. ■